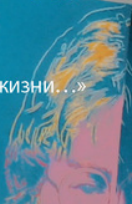

Эльчин
Сафарли

Я ВЕРНУСЬ...

«...жизнь прекрасна всегда,
просто иногда в ней больше жизни...»

Эльчин Сафарли Я вернусь...

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180613

Я вернусь...: АСТ, Астрель; М.; 2009

ISBN 978-5-17-057948-8, 978-5-271-23110-0

Аннотация

«Я вернусь...» – правдивая история любви русской женщины и восточного мужчины. Вопреки разнице менталитетов и натиску обстоятельств они преодолевают отчаяние на пути друг к другу.

«Я вернусь...» – воссоздающий дух времени роман, в котором Сафарли сквозь призму одной истории показывает путь целого поколения русских девушек, уехавших за счастьем на Восток.

Содержание

Часть I. О НИХ	7
1	8
2	12
3	16
4	20
5	24
6	28
7	32
8	36
9	40
10	44
11	48
12	52
13	56
14	59
15	63
16	66
17	69
18	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Эльчин Сафарли

Я вернусь...

С благодарностью моей маме, сестрам Рамзие Джилгамлы и Диане Зенюк, а также Маше Кушнир

В этой книге слова «надежда», «вера», «счастье» и производные от них употребляются 678 раз

– Я слышал, ты читал книгу, и что ты в ней нашел?

– Новую жизнь.

– Ты в это веришь?

– Верю.

– Послушай меня, я тоже когда-то поверил книге. И решил, что найду этот мир. (...) Поверь мне: в конце концов нет ничего, кроме смерти...

– Тот мир существует! (...)

– Да нет ничего! Это всё красивые сказки! Считай это чем-то вроде игры, в которую один старый идиот играл с детьми. И вот однажды он решил написать такую же книжку, но для взрослых. Вряд ли он сам понимает смысл того, что написал. Читать забавно, но если поверишь в нее – жизнь пропала...

Орхан Памук. «Новая жизнь»

...Ты смотришь на меня, смотришь на меня из близки, все ближе и ближе, мы играем в циклопа, смотрим друг на друга, сближая лица, и глаза растут, растут и все сближаются, ввинчиваются друг в друга: циклопы смотрят глаз в глаз, дыхание срывается, и наши рты встречаются, тычутся, прикусывая друг друга губами, чуть упираясь языком в зубы и щекоча друг друга тяжелым, прерывистым дыханием, пахнущим древним, знакомым запахом и тишиной. Мои руки ищут твои волосы, погружаются в их глубины и ласкают их, и мы целуемся так, словно рты наши полны цветов, источающих неясный, глухой аромат, или живых, трепещущих рыб. И если случается укусить, то боль сладка, и если случается задохнуться в поцелуе, вдруг глотнув в одно время и отняв воздух друг у друга, то эта смерть-мгновение прекрасна. И слюна у нас одна на двоих, и один на двоих этот привкус зрелого плода, и я чувствую, как ты дрожишь во мне, подобно луне, дрожащей в ночных водах...

Хулио Кортасар. «Игра в классики»

...ход событий определяется не мною. Вместо того чтобы управлять своими персонажами, я предоставляю им жить собственной жизнью и без помех выражать свое мнение. А сам только слушаю и записываю.

Рай Брэдбери

*Я хотел писать обо всем, обо всем, что
происходит вокруг.*

О твоих цветах, когда ты приносишь их.

*Об этом полотенце, о запахе; о том, какое оно
на ощупь.*

О всех наших чувствах – твоих, моих...

Об истории: какими мы были.

Обо всем в мире, обо всем вместе, милая!

Потому что всё в жизни смешано...

К/ф «Часы»

Часть I. О НИХ

Мы вправе лететь туда, куда хотим, и быть такими, какими мы созданы.

Ричард Бах

...Она выжала для меня мандариновый сок и ушла. Навсегда. Под стаканом с цитрусовым фрешем влажная по краям салфетка. На ней болезненные слова неровным почерком. *«Я уехала. Не ищи меня»*. Она ушла в первый день лета. Не побежал искать ее. Не начал звонить на ее мобильный. Не закурил нервными затяжками. Я взял стакан с соком, поднес к носу. Начал принюхиваться. Неужели мандариновый аромат овладел фиалковым запахом ее кожи? Неужели тот не сохранился на стекле высокого стакана? Мне нужна ты. Я хочу тоже уйти. За тобой или к тебе. Неважно. Важное – это ты...

...Женщины оставляют мужчинам на прощанье волшебные ночи. Женские следы на мужских сердцах. В ночь перед разлукой она целовала не так, как обычно. Ее поцелуи застывали на моем теле, словно снежинки на заледеневшем окне. Почему-то становилось холодно. Сейчас я понял. Прощальные поцелуи теряют теплоту. В них остывшая нежность расставания... В последнюю ночь она смотрела на меня не так, как обычно. Во взгляде отчуждение. Отчуждение наперекор любви. Она понимала, что ей пора, но всячески оттягивала час ухода. Борьба души и разума. Разум победил. Ушла. Сейчас я понял. Во взгляде перед разлукой нет тос-

ки. В нем безмолвный протест. Протест против себя самой. Чувства проигрывают разуму. Чаще всего...

...Открываю холодильник. В нем ничего нет, кроме зеленых яблок. Крупных, сочно-зеленых, с восковой кожурой. Она запомнила. Как-то рассказал ей, что в детстве излечивался от грусти зелеными яблоками. Прятался в зарослях дедушкиного сада, уплетал сочные яблоки, разглядывал небо, считал пролетающие самолеты. Так грусть забывалась. Она понемногу исчезала, как исчезают в небе самолеты... Всю последующую неделю ел яблоки из холодильника. В каждом из них жили воспоминания. Съедал воспоминания, навсегда оставляя их в себе. Никаких самоистязаний. Я грустил, питался яблоками, вспоминал. Где-то в глубине души по-детски надеялся, что в день, когда закончатся яблоки в холодильнике, она вернется. Яблоки закончились. Она не вернулась...

...Все рождается из малого. Наша любовь родилась из одного нечаянного прикосновения. Очередь в пункте обмена валюты. Вечерняя суматоха на Истикляль Джаддеси¹. Мелкий весенний дождь, похожий на пудру. Фальшивые песни уличных музыкантов. Продавец мороженого зазывает клиентов. Сонные голуби на крыше газетного киоска. Фисташ-

---

¹ Улица Независимости в центре Стамбула.

ковый аромат баклавы² в свежем воздухе. Она задевает меня сумкой, и я роняю портмоне. Куруши³ покатались по кафельному полу. Я говорю «пардон» на турецком. Она «ой, извините ради бога» на русском. Одновременно нагибаемся, чтобы собрать монетки. Прикосновение. У нее холодные руки. Первое, что заметил в ней. Потом заглянул в ее глаза. Зелено-голубые. С искренней тревогой, обволакивающей нежностью. Захотелось поцеловать ее в губы. Не сдержался. Поцеловал.

Она удивилась, а я влюбился. «Давайте съедим мороженого...» Сказал первое, что пришло на ум. Она ответила на турецком. «Оки⁴...» Потом вlepила мне пощечину. «Однозначно вы любительница имбирно-шоколадного мороженого...» Она засмеялась, а я не извинился...

...Настоящая любовь соткана из противоречий. Прощита нитями разных характеров, вкусов, стремлений. Наша любовь поселилась между небом и землей. Небом, воздушно-ветренным, была она. Землей, стабильно-приземленной, был я. Любовь между нами... Я – мусульманин, она – православная. Я люблю черничный пирог, она обожает вишневый. Я нахожу себя в осени, она постигает гармонию летом. Я верю в мимолетность счастья, она верит в возможность его протяженности. Мы были и оставались разными. Различие

---

² Турецкая сладкая выпечка.

³ Турецкая разменная монета.

⁴ «Можно» (*турец.*).

укрепляло чувства, разукрашивало пестрыми оттенками повседневность. Индивидуальность в любви должна быть сохранена. Иначе со временем погибнут и чувства... Тогда кто из нас размотал узелки чувств?..

...Аппетитные шарики мороженого таяли в вазочке из перламутрового стекла. Теряли индивидуальность, сливались в общую бледно-коричневую массу. Она облизывала чайную ложку, время от времени задерживая ее в клюквенных губах. Мысленно покидала эту кафешку с видом на Босфор. Уносилась туда, где свободна ее свобода. Чисто женская свобода. «...Мечтаю превратиться в чайку. Парить над Золотым Рогом, клевать рыбу, позволять кормить себя хрустящим симитом⁵. Самой решать, куда и с кем лететь...» Она говорила про себя, но вслух. Бархатистый голос, редкие ресницы, улыбка с ямочками. Тлеющая сигарета в пальцах. «Эй, чайка, у тебя мороженое тает...» Она вздрагивает, переводит взгляд с Золотого Рога на меня. Проникает в глубину моих глаз. Мурашки по коже. У меня. А на ее лице улыбка.

Вдавливает сигарету в пепельницу. «Могу тебя кое о чем попросить?» Официант подносит горячий чай с кюнефе⁶. Теплый сахарно-шафрановый аромат гонит прочь ванильные оттенки мороженого. Одна из моих дурных привычек – горячее после холодного. «Проси...» Она снова возвращается взглядом к Золотому Рогу. «Подари мне...» Недоговаривает, закуривает. «Что подарить?» Перед глазами пронес-

---

⁵ Турецкие бублики, усыпанные семечками кунжута.

⁶ Сладкий сырный пирог, который едят исключительно горячим.

лись вывески ювелирных магазинов, дорогих бутиков. В первые 48 часов влюбленности мужчина сомневается в женщине. На подсознательном уровне. Страх разочароваться. «Подари мне надежду...» От неожиданности роняю сигарету. Она засмеялась. Привстала, перегнулась через столик. Поцеловала в нос. «Подаришь? Ну же, не жадничай...» – «Подарю...» В этот миг зазвонил ее мобильный. Он звонил все время, пока мы были с ней. Нас часто ждут именно там, куда мы возвращаться не хотим... Почему не утопил ее мобильный в Босфоре? Телефонные трубки мешают делать поступки. Прямо как в песне...

...Ее зовут Мирумир. Она так представилась. «Неужели есть такое русское имя?» Недовольно поджимает губы. «Если бы я представилась Наташей, тебе стало бы легче?» – «О'кей, тогда меня зовут Светусвет...» – «Издеваешься?» Она чертовски сексуально злится. Бросает в меня надкусанным жареным каштаном. На нем следы ее помады. Оп, удастся поймать его ртом. «Ладно-ладно, будь по-твоему, Мирумир. А кому ты желаешь мира?» Задумывается. «Своему внутреннему миру... Доволен, Светусвет?» Смеюсь. «Доволен...»

Она останавливается у входа в Галатскую башню⁷. Приставив ладонь козырьком ко лбу, Мирумир поднимает голо-

---

⁷ Один из символов Стамбула, расположена в европейской части города на высоком холме района Галата.

ву. Разглядывает шестидесятиметровую «Башню Иисуса»⁸. Осторожно подкрадываюсь сзади, целую ее в шею. Чуть влажную, загорелую. Второй поцелуй за первый день знакомства. Нахальство или смелость? Она оборачивается. В глазах грусть. «Я боюсь тебя полюбить...» Прижимаю ее к себе. «Не бойся... Ведь я тебя уже полюбил». Мирумид смущенно отстраняется. «Лучше помоги мне преодолеть 143 ступеньки Галаты... В лифт я не сяду». – «Могу взять тебя на руки. Только за это предусмотрена плата: один поцелуй...» Злится. Опять невероятно сексуально. «Вы все на Востоке так обаятельно торгуетесь? Никаких поцелуев. Вперед и с песней...»

...Она носит одежду цвета морской волны и насыщенный желтый. Так выражается ее предвкушение моря и солнца. «Когда хочу спрятаться ото всех, я мысленно погружаюсь в Босфор. Теплое море, прогретое летним солнцем... Поэтому каждый год приезжаю сюда. Здесь мне не надо нырять. Здесь могу плавать на поверхности». Своим образом Мирумид дополняет ослепительную палитру летнего Стамбула...

Живет не своей жизнью. «Я говорю „люблю“ тому, кого не люблю. Разве это не самое большое несчастье?» Не рассказывает о жизни вне настоящего времени. Пара слов, затем меняет тему разговора. «В Москве холодно. Всегда... Слу-

---

⁸ Генуэзцы, построившие Галатскую башню в 1348–1349 гг., называли ее «Башней Иисуса».

шай, сколько стоит у вас стрижка в приличном салоне?» Мы не обсуждаем завтра. Никаких планов, идей, задумок. Полюбили друг друга в сегодня.

Любовь редко имеет дело с будущим временем. Зачастую она остается в прошлом или сохраняется в настоящем. Если любовь продолжается в будущем, значит, ее носителям бесконечно повезло... Слушаю ветер. Он, перегоняя облака, приносит весточки из параллельного времени. Для ветра расстояние между Стамбулом и Москвой пустяк. Так почему же не рассказываешь о ней, ветер?..

...Познакомившись с моей кухней, сильнее полюбила меня. «Женщины распознают характер мужчины молча. Не задаем вопросов, не лезем в душу. Присматриваемся, прислушиваемся, нащупываем. Действуем без слов...» Мирумир убеждает, что кухня мужчины говорит о его характере. «Если кухня чистая, нетронутая, значит, мужчина нуждается в домашнем тепле, хотя готов всячески отрицать это. Такого упрямца нужно баловать вкусной едой, но при этом не утомлять вниманием... Если на кухне кавардак, повсюду пепельницы с окурками, значит, у мужчины сложный характер. Под такого нужно подстраиваться, причем очень осторожно... Твоя кухня „живая“. В ней есть жизнь. А значит, с тобой интересно, но совсем не легко. Отстаиваешь свое личное пространство».

Говорю, что не верю в подобные обобщения. Она замолкает, встает с кровати. Надевает лифчик. У нее маленькая грудь с нежными персиковыми сосками. Безумно красива. Изящная сексуальность. Гордая осанка, хрупкие плечи, чувственно выпирающие позвонки. Шрам на правом локте. Коротко стриженные ногти...

Встаю с кровати, поднимаю ее на руки, возвращаю в постель. Брыкается, колотит по спине, возмущается. Я впива-

юсь в ее сухие губы, напоминающие фиалковые листья. Возбуждающая естественность. Почти не пользуется декоративной косметикой, духами. Такая, какая есть. Без шаблонной красоты, наигранной женственности. Она не читает Кундери – любит Хёга, Саган, Капоте. Часто повторяет фразу из «Завтрака у Тиффани»: *«Мы с этой кошкой очень похожи. Мы обе бедные, безымянные растрепы...»*

Она целует в подбородок, трется лицом о мою щетину. «Скажи, что не любишь меня... Прогони... Скажи, что тебе от меня нужен секс и больше ничего... Не втягивай в любовь...» Вхожу в нее глубже, шепчу в ухо. «Люблю... Слышишь, люблю... Ты не уйдешь...» Она закрывает глаза. Течут слезы. Любовь со связанным сердцем. У вас такое было? Когда нет пути назад или вперед. Есть только место, на котором стоишь и не можешь двинуться...

Сидит на подоконнике. В трусиках. Обхватив руками колени. Волнистые русые волосы. Банановый лак на ногтях играет в лучах солнца. Приношу кофе. Наступая на «*Вонjour tristesse*»⁹ в мягкой обложке, берет чашку. «Она тебе так близка по духу?» Листаю книжицу. Бледно-серая бумага, плохая склейка. Книга пахнет ею. «Немного... Чем больше читаю Саган, тем лучше начинаю понимать, какой у нее был сложный характер... На первое место она ставила свое удовольствие... всегда... Простительный эгоизм... но не это

---

⁹ «Здравствуй, грусть!» (фр.).

важно...»

Отпивает кофе. «Великолепно... Ellerine saglik¹⁰... А что за кофе?» – «Инжирный». – «Какой?!» Откладывая книгу в сторону, вытаскиваю сигарету из пачки. Зажигалка шалит – пламя прерывистое. «Да-да, родная, инжирный. Его во времена Османской империи готовили. А меня бабушка научила. Бабушка Лале...»

Мирумид открывает окно, втягивает морской воздух. «Эй, Босфоор, привееееет!..» Машет рукой великому проливу, привлекая внимание проходящих внизу людей. Обнаженная девушка в окне шестого этажа средь бела дня. Я смеюсь, удивляясь себе самому. При всех приобретениях современности во мне немало консерватизма. Но рядом с ней я почему-то меняюсь, подобно направлению ветра. Сильное влияние или большая любовь?

«Вернемся к кофе... Расскажи, как его приготовить? Буду им наслаждаться в Моск... Короче, не важно где». «В кофемолку вместе с зернами добавь мелкие кусочки сушеного инжира, щепотку корицы. Вари любимым способом. Вкус, как видишь, особо не изменился. Зато аромат какой... Только не забудь разлить готовый кофе по чашечкам через сито, без гущи».

Допивает кофе. Задумывается. Обращает взгляд на настенные часы. «Принеси скотч. Я хочу заклеить стрелки, чтобы они не двигались. Или вынь из часов батарейки. Сде-

---

¹⁰ Здоровья твоим рукам (*турец.*).

лай что угодно, останови время...» – «Зачем, Мирумир?» Молчит. «Объясни – зачем». Опускает глаза. «Ну же...» Она неожиданно замахивается и разбивает кофейную чашку о стенные часы. Плачет. «Останови время... Останови...» Обнимаю ее. «Хорошо, хорошо... Не плачь...» Перед разлукой время ускоряет ход, а с наступлением разлуки замедляет. В программе «Love is...» много ошибок. Но переустановить ее невозможно. К сожалению...

...Дороги ночного Стамбула все в осколках разбитых сердец. Хрустят под ногами, крошатся, впиваясь в обувь прохожих. Прохожие – это те, кому сегодня повезло. Чуть-чуть больше, чем другим. Впрочем, каждый из этих прохожих осознает, что завтра ночью может разбиться и его сердце. Закон мегаполиса: всем повезти не может. На пленке «Istanbul Gold 400» более 20 миллионов кадров с человеческими судьбами. Чувствительность повышенная, цветовой баланс – лучший на Востоке...

На часах 03:12. Бейоглу. Богемный район Стамбула. Старшее поколение турков называет его «очагом безнравственности», молодежь – «райским адом». Богемный цветок Стамбула впервые вырос, расцвел именно здесь. С тех пор он каждый день расцветает после полуночи...

Пустая автобусная остановка. Кругом никого, кроме нас и двух пьяных трансвеститов, заснувших у одного из лайтбоксов. Сидим на расстоянии друг от друга. Курим в унисон. Я «Кент 1», она – «Кент 4». Собрала волосы в два пучка. Надела большие очки – желтые стекла в зеленой оправе. «Чего смеешься? Отражение состояния души...» В молчании смотрим на проезжую дорожку в нескольких метрах от

нас. Машин мало. Лишь изредка проносятся такси со святыми шашками. Светофоры меняют цвета, секундомеры на них бесполезно сообщают призракам ночного города о зеленом свете.

Босфор затих, под носом заходится дымом моя сигарета, за квартал отсюда надывается музыка. Прислушиваюсь к словам песни. «Istanbul seni kaybetmis... Eski bir banda kaydetmis...»¹¹. Прямо в сердце. «Я боюсь тебя потерять... Тебя... Мирумир... Слышишь?» Где-то взвыла полицейская сирена. Женский крик. «А я и так потеряна...» Она дует на светофор, и он, повинувшись ей, меняет цвет. «Смотри-ка, я – фея... Фея с дурной головой... Светусвет, прошу тебя, потеряй меня...» Зазвонил ее мобильный. Не отвечает. «Поздно, детка. Я тебя уже нашел» Бросает окурок, придавливая его носком босоножки. Усмехается. «Так в чем проблема? Потеряешь снова...»

Смотрю в небо. Там кто-то разлил жидкий темный шоколад с кусочками миндаля. Миндаль – это звезды. Вдруг одна из них слетает с неба. Падает прямо в сердце Босфора. Разум мгновенно формулирует желание. Турки говорят, что если звезда с желанием упадет и растворится в Босфоре, то сбудутся «твое желание и желание твоей половинки». Времени нет: звезда приближается к зеркальной глади пролива. Загадываю одно желание на двоих. «Любовь вне разлук». Офф,

---

¹¹ «Стамбул потерял тебя... Записал на старую ленту...» (*турец.*).

успел...

Пока наблюдал за звездой, не заметил, как Мирумид по-
двинулась ко мне. «В Босфор упала звезда... Загадал жела-
ние за нас...» Она улыбнулась. Впервые за ночь. «Замети-
ла ее в то же время, что и ты...» – «Да? И какое же жела-
ние ты загадала?» Снимает очки. Прислушивается к Босфо-
ру. «Это даже не желание... Я просто сказала: „Не отпускай
меня...“ Сказала звезде, но подумала о тебе». Снова наде-
ла очки. Повернулась к светофору: дыханием сердца меняет
сигналы. Сжимаю ее руку в своей ладони и молчу. Бейоглу
продолжал греметь, развратничать. На часах уже 04:16. Нам
пора...

* * *

...Множу окурки во всполохах рассвета. Заснула, поло-
жив голову на мои ноги. Погрузившись в сон, она буд-
то уменьшается в размерах. Тело съеживается, черты лица
мельчают. Хочется закутать ее в себя. Спасти от ураганов
воспоминаний, дождей отчаянья. Но я не могу двинуться.
Мирумид ограничивает мои движения. Жалко ее будить...
Даже в стенах царства Морфея она гордо отказывается от по-
мощи, запираясь на замки одиночества. «Каждый свой крест
должен нести сам. Зачем утруждать ближнего? У него свой
крест...» Мирумид боится ждать. Может, это и правильно?
Когда долго ждешь и в итоге не получаешь ожидаемого, пе-

рестаеть верить, а соответственно и надеяться. Может, лучше не всматриваться в горизонты с надеждой увидеть алые паруса?.. Нам есть из чего выбирать. Всегда. Я выбираю – ее. Я выбираю – любовь. Делаю выбор за двоих. Ведь в отчаянии часто не остается сил сделать выбор. В отчаянии хочется, чтобы хоть раз кто-то сделал выбор за тебя... Я делаю выбор за мир.

...Не говорит о себе. Обжигается своими же словами. Я не чувствую тайны или неискренности. Мирумид не хочет возвращаться туда, куда затягивает ее разум, вопреки порывам души. «Монро как-то сказала: "Когда наступают тяжелые дни, думаю: хорошо бы стать уборщицей, чтобы вымести внутреннюю боль..." Меня, наоборот, тянет в уборщицы в счастливое время. Хочется вычистить из себя разочарования прошлого, страхи перед настоящим. Я боюсь настоящего, так как не знаю, к какому будущему оно приведет...»

Любит смотреть на меня тогда, когда я не смотрю на нее. Когда я бреюсь по утрам, она прислоняется к дверному косяку ванной, внимательно наблюдает за мной. Когда я объясняю официанту наш заказ, она закрывает руками уши, читает по губам мою речь. Когда я отхожу в туалет, протискиваясь сквозь столики зала, она рисует взглядом сердце на моей спине. «Так нахожу в тебе то, что так долго искала. Нет, ты не принц на белом коне. Ты мое настоящее. Реальное, близкое, родное. И неважно, принц ты или король, есть у тебя конь или нет. Важно, что ты здесь. Со мной. И такой свой... Это не пафос, Светусвет. Это то, что всегда хотела произвести в настоящем. У каждой женщины прибережены слова для героя ее настоящего. Счастливого настоящего. Нужно

его только дожидаться. Я дождалась»...

Лежим на фиолетовом диване гостиной, смотрим «Don't Bother to Knock»¹². Она грызет тыквенные семечки, я пью горячий шоколад из «Старбакса». Она в моей рубашке в сине-белую клетку, я в одних трусах-боксерках. Она запрокинула ноги на спинку дивана, я вытянул свои, положил на синий пуфик. Мирумид называет Мэрилин Монро «неприка-
янной чертовкой». «Восхитительная девочка... В ней виде-
ли сначала секс, потом – талант... Как-то несправедливо...»
Я никогда не был поклонником Нормы Джин. «А по-моему,
в ней нет особого таланта. Зато есть отличная попа...» Щи-
пает меня за живот. «Все вы мужики с одного огорода...»

Мирумид встает с дивана, закручивает волосы в узел. За-
куривает. «Знаешь, до „Don't Bother to Knock“ я считала Мо-
нро пустой актрисой глупых комедий. Но после этой работы
взглянула на нее по-другому... По сути, она была несчаст-
ной актрисой, так как нехотя играла даже в жизни... Мно-
го читала о ней. Нашла в ней нечто, что роднит нас. Я тоже
понимаю, что по жизни надо бежать все быстрее. Но у меня
тоже не получается – ноги не идут...» Обрывает рассказ, как
только он пересекается с ее жизнью. Как всегда...

Отходит к окну. Ставит локти на подоконник, разглядыва-

---

¹² «Можете не стучать» (англ.). Психологическая драма, 1952 г. Главную роль
в ней сыграла Мэрилин Монро.

вает проезжающие внизу машины. Замирает, затихает. На мгновение мне кажется, что она исчезла из настоящего. Покинула Стамбул, вернулась в Москву. Зову Мирумид. Не откликается. Страх поднимает меня с дивана. Тихонько подхожу сзади, чтобы не испугать ее. Мои шаги заглушает звук телевизора. Протягиваю ей свой шоколад. «Хочешь? Там еще осталось...» Отрицательно мотнула головой. Морской ветер шевелит упавшую на лоб прядь волос. Сигарета потухла. Не замечает. «...Я бреду на все четыре стороны... Закаленная морозом... Крепкая, как паутина на ветру... Свисающая до земли... Я все еще как-то держусь...» – «Это откуда?» – «Монро написала. Будто про меня, в точку...»

Машины на улице истерично сигналият, столпившись в пробке. Обнимаю Мирумид за плечи, прижимаю к себе. Закрываю окно. «Эй, выше нос. Ты не одна». – «Не грущу, родной. Это другое. Скорее, обычный страх. Страх потерять реальность...» – «Ты ее не потеряешь». – «Может, и не потеряю. Но она рано или поздно сама оборвется... Нужно возвращаться в Москву». Смотрю в ее глаза. «Ты уедешь, чтобы вернуться обратно». Она устремляет взгляд на плачущую в телевизоре Монро. «На „обратно“ труднее всего решиться. Ведь все дороги ведут вперед, а не назад...»

Прикладывает ухо к моей груди. «Послушаю твое сердце...» Улыбаюсь. «Слушай... Могу тебе его подарить». – «Не

нужно. Оно и так со мной...»

...Завидует голубям. Их свободе и доверчивости. «Я не в клетке. Я на свободе с подрезанными крыльями. Могу взлететь, но не улететь». Гуляем по площади Таксим в окружении стамбульских голубей. Кружат подле нас, вспархивая крыльями. Греются в весенней теплоте, клюют пшеницу с моих рук. Сегодня в Стамбуле хорошая погода. + 18. Сегодня солнце светит для всех, кроме нее. Трудно согреть сердце, когда оно обморожено болью. «Хочу верить людям, как прежде. Подпускать к себе, не отпускать от себя. Держать руку в руке. Как сейчас. Держать и не думать, что с рассветом наступит расставание».

Покупаем еще пшеницы у улыбчивой старушки. Мирумир садится на корточки, протягивает голубям ладони, полные зерна надежды. Одна из птиц взлетает на ее плечо, касается клювом щеки, словно хочет сказать что-то важное. Любимая застывает, закрыв глаза. Прислушивается к голубю. Неожиданно разжимает пальцы. Зерна рассыпаются по асфальту, удивляя птиц. Золотистые крупички на сером.

Мирумир резко встает, надевает очки, убегает в сторону подземки. Бегу за ней. Ванильные облака над головой проносятся в ускоренном темпе. Лица встречных людей слива-

ются в один многоцветный размытый образ. Красно-желтый щит «McDonald's» режет глаза. Щеки мерзнут под взволнованным ветром — дыханием Босфора. Машины возмущенно обсигналивают меня, перебегающего дорогу на красный свет. Потерял Мирумир из виду. Апельсиновая беретка затерялась в толпе. Направляюсь к знаку «Istanbul Metrosu». Добегаю. Останавливаюсь, чтобы оглядеться. Где она? Кричать бесполезно — центр Стамбула слишком шумный. Звоню на мобильный, не отвечает. Забегаю в метро. Спускаюсь по лестнице. Она сидит на последней ступеньке, прислонившись боком к стене. Беретка съехала на затылок. Ботинки абрикосового цвета покрылись пылью. Мандариновый лак на ногтях пооблупился. Я не прикасаюсь к ней, не требую объяснений. Просто сажусь рядом, сохраняя между нами расстояние.

Спустя пару минут беру ее руку, подношу холодные пальцы к губам. Целую кракелюры на ногте мизинца. Мимо нас проходят люди с разными судьбами, взглядами, проблемами. Туман чужих мыслей обволакивает нас. Я поворачиваюсь к ней. «Пойдем выпьем гранатового чаю... Как тебе идея?» Шмыгнув носом, соглашается. «Пойдем». Встаем на ноги, медленно поднимаемся вверх. К свежему воздуху. К наступившей весне...

...Страх обмануться, обознаться. Страх завернуть не туда, куда нужно. Страх пройти мимо, потерять, потерять-

ся. Любовь преодолевает любые страхи, кроме страха самой любви. «Иногда начинаю ненавидеть время. Всё и вся оправдывают, излечивают им. Почему невозможно противостоять времени? Почему нельзя жить вне времени? Ладно, не буду занудствовать. Давай лучше чайку попьем...» Яхта разрезает гладкую поверхность Босфора, и по обе стороны от нее, подобно журавлиному клину, пенятся две волны. Весенний ветерок с мятной отдушкой ласкает щеки, треплет волосы. Синева неба манит – хочется обрести крылья, взмыть на то самое седьмое небо, посидеть в кафе со столиками из взбитых облаков. Приумножить наслаждение ванильным латте с рисунком белого лебедя. Мне хочется в небо отважно шагнуть, найти наш с ней путь и остаться там, временами спускаясь на землю. Нам хорошо быть просто вместе. Просто вместе – это когда не думаешь ни о чем, кроме любви...

Заказываю яблочный чай с хрустящими симитами. Чайки встречают прогулочные яхты, кормятся крошками выпечки. Истошно вопят, выражая благодарность щедрым пассажирам. Она смотрит на прожорливых хранительниц Босфора со светлой грустью в глазах. «В какой-то книжке прочла, что чайки – это безграничная идея свободы в жизни...» – «Так и есть. Я, например, в детстве мечтал превратиться в чайку, чтобы улететь подальше от школы...» Прижимается ко мне теснее. Улыбается. «А каким ты был в детстве?» – «Да ничего интересного... Обычным был». – «Не скромни-

чай... Ну Расскажи, пожалуйста».

Откусываю симит. Золотистые зернышки кунжута щекотно осыпаются в рукав моей голубой рубашки. Всегда ношу рубашки с засученными рукавами – еще одна глупая привычка. «Ушастиком был, худющим, с белой-белой кожей. У меня мама смуглая. Когда она гуляла со мной, все думали, что Сария-ханым устроилась няней. Никто не верил, что такой белокожий мальчик может родиться у такой истинно восточной женщины. Мало кто знал, что у меня бабушка по папиной линии русская...» Смеется и говорит, что судьба здорово подшутила надо мной. «Кто знал, что ты влюбишься в русскую? Ты получал знаки с детства...» Целует меня в подбородок, встает, берет меня за руку. Ведет к корме яхты. «Знаешь, если бы не Босфор, я бы не справилась со вчерашней грустью. Его воздух наполнен надеждой, которой мне так не хватает...» – «А она у тебя есть. Разве наша любовь – не надежда?» «Это другое... Моя надежда – это... ммм... Если даже мир исчезнет, мы все равно найдем друг друга... Если даже исчезнут ночи, мы будем светиться звездами в дневное время... Вот такая моя надежда». Яхта прогудела. Приближаемся к берегу...

...До Стамбула жила в ожидании. В томительном ожидании стука в дверь. Она курила в приоткрытое окно, прислушиваясь к шуму на лестничной площадке. Она доставала из духовки сливовый пирог, прислушиваясь к шуму на лестничной площадке. Она отдавалась нелюбимому мужчине с веснушчатými плечами, прислушиваясь к шуму на лестничной площадке. В дверь стучали. Не те, кого она ждала...

Мирумид продолжала надеяться. Надеяться на то, что появится человек, который прижмет к груди, уверенно скажет: «Собирайся, мы уезжаем». Он скажет, и она, набросив на плечи бархатно-лиловый пиджак, уйдет. За ним, с ним. За судьбой.

Уйдет вопреки планам, обстоятельствам, трезвости разума... Ночами часто просыпалась от того, что ей чудились заветные слова из песни свободы. «Собирайся, мы уезжаем». Всккивала с кровати, бежала в прихожую, где, кроме спящего рыжего кота и волнующихся сквозняков, никого не было. В итоге Мирумид решила сама отправиться за счастьем. Если счастье не идет к тебе, то ты сам должен пойти на встречу счастью...

Срывает с ног ботильоны с атласными шнурками. Широ-

ко размахнувшись, бросает обувь в Босфор. Ярко-малиновая парочка несколько секунд качается на волнах, после чего исчезает в глубинах пролива. «Что ты делаешь?! Не жалко обувь?» Я поднимаю ее на руки, осторожно сажаю на один из камней набережной. Под ноги подстилаю свою ветровку. Сегодня в Стамбуле похолодало. Весна морочит жителей мегаполиса своим непостоянством. «Плевать на ботильоны. Думаю, для сэра Пола Смита это большая честь. Теперь его детище покоится на дне Босфора...»

Сажусь рядом с ней. Закуриваю. Наблюдаю за проплывающим паромом. «А я думаю, Смит не будет в восторге от твоего поступка. Ну, как минимум, из экологических соображений». Улыбаюсь, обнимаю ее. «Да ладно тебе... „Не надо уделять одежде много внимания. Не зацикливайтесь на ней, а то сойдете с ума“. Знаешь, чьи слова?

Да-да, Смита. Считай, выбросила обувь, чтобы не сойти с ума...» – «Нас уже и без того считают чудаковатыми. Так что боты можно было не выбрасывать» – «А разве это плохо? По моему, нет ничего хуже, чем быть как все...» Соглашаюсь.

Встаю с камня, надеваю ветровку. Снова поднимаю ее на руки. Такси в двух десятках метров от нас. Мирумид необычайно легка. Будто в ней нет ничего, кроме пудинговой души и морского ветра. Пока добираемся до такси, она дремлет на моем плече. Согреваю Мирумид в объятиях счастья, осозна-

вая, что мне наконец-то удалось поймать ту самую редкую бабочку. Бабочку с крылышками цвета настоящей любви...

* * *

...Весной дождь пахнет надеждой. В нем нет необратимости потерь, как в осадках других времен года. За весенним дождем не хочется наблюдать со стороны, погружившись в атмосферу домашнего уюта. Под ним хочется жить, любить, надеяться. Считать капли, сбиваясь со счета, ловить их языком, запоминая вкус свежести новой поры. Весенний дождь похож на мятный коктейль с кубиками льда. Коктейль из весны, так напоминающий лето...

Дождь застал нас по дороге домой. Неожиданно забарабанил по крыше такси, призывая выйти из укрытия. Поиграть с ним. Водитель в панике включает «дворники» – за густой завесой небесных слез исчезла дорога. «Полюбила весенний дождь еще в Москве. Для нас, жителей холодного мегаполиса, он много значит. Ведь следом за весенним дождем появляется солнце. А солнце – это пинок под зад приставучим морозам...»

Опускает стекло, высовывает голову, вдыхая дождевую пыль. Прозрачные капли свисают с ее ресниц, падают, разбиваясь на щеках, стекают с подбородка на желтую блузку.

Она откидывает со лба намокшую челку, поворачивается ко мне. Счастье плещется в ее глазах. «Есть идея... Как относишься к прогулке под дождем?» Не дожидаясь ответа, прошу остановить машину. Расплачиваюсь с таксистом. Открываю дверь. Выходим из желтой машины прямо посередине дороги.

Находимся в центре Стамбула. Бежим в сторону парка. Наступаем на лужи, отчаянно хохочем, держась за руки. Ее мокрая блузка прилипла к телу, облекая твердые соски. Воротник моей куртки промок, потеряв форму. Нам было наплевать на все и вся. На то, что причин для нашей разлуки больше, чем поводов для того, чтобы остаться вместе. На то, что наша любовь родилась на краю света, а мы встретились наперекор судьбе. На то, что «трамваи не ходят кругами, а только от края до края». Мы задыхались от нежности, связывая наши сердца салатовой лентой весеннего счастья. Мы не думали о том, что приготовило для нас завтра и сколько времени отведено нашей love story. Жили мгновением, соблюдая один-единственный закон. Закон желания. Погружались в безумства, не думая о последствиях. Весна – пора безумств, лишь отдавшись которым возможно сполна насладиться счастьем. Пусть и самым мимолетным...

...По жизни сводит не концы с концами, а ожидания с надеждами. Убегает от пресной жизни. Каждый ее день расписан надеждами. Каждый ее вдох-выдох – это надежда. «Разве есть альтернатива? Живем во имя оправдания своих надежд...» Мирумир ждет дня, когда вернется в Стамбул навсегда. Синоним ее нынешних надежд – слово forever. «Я вернусь, чтобы похоронить здесь прошлое». Стамбул привык к подобным захоронениям. Не зря его воздух насыщен историей, историями. Стамбул – самый грандиозный многотомник человеческих судеб. «В день, когда расстанусь с болью прошлого, запущу в небо над Босфором воздушного змея с желтым шелковым хвостом. Выпущу душу из клетки обстоятельств...» Мирумир говорит, что заберет кое-кого из прошлого. Частичку себя. И всё. Она знает: для прошлого в настоящем места ограничены.

Спрашиваю, есть ли для меня место в будущем? Промокает белоснежной салфеткой вишневые губы. Кладет голову мне на плечо. С неба сыплется редкий дождик. Собирает капли в ладонь. Смятая салфетка намокает, уменьшаясь в размерах. «Разве мир возможен без света?..»

Забрались на одну из самых высоких точек Стамбула. Вершина азиатского холма Чамлыджа. Здесь проникаемся

тихой песней Золотого Рога. Пролив окутан предзакатным туманом. Он усталый. Засыпает рано, чтобы еще раньше воодушевить нас своей утренней красотой. На вершине Чамлыджи хочется молчать. Вытягивать руки вверх, нащупывать пушистые облака. Рисовать на небе мечты, прямо под носом Аллаха. Турки говорят, если встретить рассвет на Чамлыдже, то можно услышать голос «небесного падишаха».

Она срывает сиреневые цветы в зеленой траве, а я думаю о нас. Сможем ли сохранить любовь в настоящем? Сможем ли уберечь чувства от внешних посягательств? Мирумир забирается ко мне на колени, задает вопрос. Ее пальцы пахнут цветочной пылью. «Светусвет, ты никогда не задумывался, почему Бог дал нам одно сердце?» Вглядываюсь в Босфор, получаю от него ответ. Озвучиваю вслух. «Потому что другое он отдал кому-то другому, и каждому из нас предстоит найти его. Найти, полюбить, воссоединиться...»

Дождь усиливается. Укрываемся моей кремовой курткой. Туман рассеивается. А вместе с ним и мои сомнения...

...Один-единственный вопрос ко времени. «Что будет дальше?» В нем нет страха перед завтрашним днем или шквальными ветрами отчаянья. В нем нет желания заглянуть в книгу будущего или изменить неизменное. В вопросе Мирумир нет ничего, кроме надежды. Надежды на то, что у истории настоящего будет продолжение в будущем. Надеж-

ды на то, что соль Босфора по-прежнему будет сладкой, а чайки над проливом так же радостно будут встречать рассветы.

На улице почти не снимает очки. «Солнце не должно увидеть отчаяние в моих глазах. Живущее во мне независимо от меня. Оно живет рядом с мыслью о том, что скоро возвращаться в Москву...» Там, в не верящем слезам городе, будет жить снами. Жить – во снах, существовать – в реальности. «Знаешь, в детстве я рисовала свои сны. Ложилась в кровать, укрывалась мягким одеялом и начинала рисовать. Рисовала мыслями что-нибудь красивое. Как только рисунок был готов, засыпала. И мне снилось то, что я придумала... Вне Стамбула буду рисовать вас». Дарю ей наволочку с рисунком счастливого настоящего. Рассвет в Стамбуле, контуры минаретов, силуэты первых чаек. «Обещай, что будешь засыпать на ней». – «Обещаю»...

Шерbetные волны Босфора омывают сердечные раны Мирумир. «В Москве мучает боль искалеченного сердца. Оно ноет по утрам, изводит по ночам. Если бы не сигареты и надежды, не выжила бы...» Ежедневно приходим к Босфору. Реабилитационный курс для измученного сердца. Босфорский эликсир – лучшее лекарство от синдрома Прошлого. «...Мне хорошо здесь. Рядом с тобой, Босфором. Но даже сейчас, из счастья, я ругаю себя за то, что заражаю любви-

мого своей болью. Зачем тебя мучаю? Если ты уйдешь, не буду просить вернуться... Я, наверное, просто... пойду за тобой. Стану твоей тенью. Молчаливой тенью с отчаянными глазами... Не смогу без тебя». Провожу пальцами по ее волосам. Слегка волнистым, нежно-прохладным в морском ветре, пахнущим красными фиалками. «А я уже не могу без тебя. Не нужно становиться тенью. Просто будь рядом, как сейчас...»

...Перестала извиняться перед гордостью. Еще в тот день, когда поняла, что любовь дополняется чем угодно, кроме гордости. «Нет, она не помеха. Она... она... ну как таблетка от головной боли. Избавляет от мучительного спазма, но при этом сотрясает печень». Невзлюбила гордость за категоричность: в нее сложно вплести согласие. «Она прорастает не из сердца, а из разума. Сорняк, который невозможно вырвать из земли... Отравитель безудержности чувств».

У Мирумид с гордостью старые счеты. Когда-то из-за нее ушла отсюда, откуда уходить не хотела. «От многого отступилась. Много отрубила. Я ненавижу гордость за то, что по ее велению ушла от любви... Конечно, со временем остыла. Простила чертовку, отлучив от разума. Теперь слушаю сердце. Говорят, большинство ошибок мы совершаем на поводу у соблазнов сердца. Наплевать. Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть». Мирумир сидит на подоконнике, забавно раскорячив ноги. Красит ногти лаком черничного цвета. Въедливый запах. Разбросанные по полу ватные закладки. Тлеющая в пепельнице-ракушке сигарета. Всегда красит ногти после секса. Одна из ее женских привычек.

Я лежу на кровати, положив под голову сложенное одеяло вместо подушки. Оно чуть влажное – пропитано потом

нашей страсти. Наблюдаю за ней, сосредоточенно наносящей лак на мизинец левой ноги и одновременно рассказывающей о себе. Мирум мир медленно расцветает передо мной. Чем больше узнаю, тем больше влюбляюсь.

«Когда заглянула в твои глаза, мое сердце очнулось после клинической смерти. Я серьезно, Светусвет. Конечно, могла попрощаться с тобой, так и не познакомившись. Гордость, паршивка, так и советовала. А я, назло ей, взяла и ответно улыбнулась тебе. Помнишь? Такой идиотской улыбкой... Ты – моя самая большая победа над гордостью». Отключаю мобильный, закидываю трубку в тумбочку. «Детка, слишком многое сваливаешь на нее. По-моему, гордость часто обвиняют те, кому не хватает смелости...»

Закручивает колпачок пузырька с лаком. Машет руками в воздухе – начался процесс сушки. Через минуту заливает дымящиеся окурки остатками колы. Стягивает волосы резинкой, снимает трусики, запрыгивает ко мне в постель. «... Может быть, я и самая трусливая трусиха в мире... Но я горжусь собой. Честно. Знаешь, за что? Мне хватило смелости полюбить тебя». Провожу руками по ее талии, слегка приподнимаю любимое тело, целую в ложбинку между грудей... За окном вечереет. Снова послышался дождь. Дождливая весна к жаркому лету?..

...На часах 3:41. Нахожу Мирумир на балконе. Светло-розовая пижама бледным пятном выделяется на фоне ночи. Разбушевавшийся ветер сдул звезды с неба. От шума беспокойных волн Босфора закладывает уши. Она держится за перила – щурится под шквалом. Порывисто затягивается сигаретой, чтобы та не потухла. На ближайшие два дня синоптики наслали прохладно-ветреную погоду. Услышав пессимистичный метеопрогноз, я расстроился, она – обрадовалась. «Соскучилась по ветру. В Москву он не так часто является... Знаешь, с ветром интересно болтать. Рассказывает увлекательные истории самых дальних стран. Кто знает, может, и нашу love story поведаст отчаявшимся на другом конце земли...»

Говорит, что услышать ветер можно ночью. Когда город затихает. «Ветер распахивает душу, лишь оставаясь наедине с тобой. Без свидетелей. Хранитель слишком больших тайн...» Уже вторую ночь выходит по ночам на балкон, чтобы поприветствовать ветер. Прислушивается к его дыханию, прикасается подушечками пальцев к волнистым потокам. Мирумир давно дружит с ветром. «Когда я была маленькой, помню, мечтала путешествовать по миру на крыльях ветра. Захотелось в какую-либо страну, ухватился за краешек его

плаща, и он легко доставит туда...»

Сейчас Мирумир ждет ветер с другой целью. «Выветривает боль. Не веришь? Это действительно так. Вдыхаю ветер и чувствую, как он, собрав из нутра темную гущу, вылетает наружу. Легчает. А думаешь, для чего я курю? Своего рода имитация ветра...» В душе любимой живут две мечты, связанные с ветром. «Мечтаю всегда быть рядом с ним... Когда-нибудь поселюсь в доме на набережной. Ветер с Босфора самый чувственный из существующих ветров... А еще мечтаю построить домик на побережье Ирландии. Там скорость ветра достигает 50 километров в час. Домик будет стоять на возвышающемся над морем утесе. Такой простенький, с белыми стенами, сланцевой крышей. И картин в нем вешать не буду. Виды из окон лучше любых картин...»

Подхожу ближе. Обнимаю ее. Замерзшую, хрупкую и такую *свою*. «Мечта о жилье у Босфора исполнена. Сейчас находимся в стенах этой мечты. Осталось дом в Ирландии построить. Надеюсь, у нас еще есть время?» Смеется. «Милый, у мечты нет срока годности». – «Отлично. Тогда давай спать, а о недвижимости в Ирландии подумает завтра. Идет?» – «Идет». Уходим с балкона, заперев стеклянную дверь, в которую нам на прощанье машет ветер с Босфора...

...Лежим на пурпурно-фиолетовом ковре из опавших цветков рододендрона. Мягкий настил с чуть сладковатым ароматом. Зачерпываем с земли соцветия, посыпаем ими друг друга, наполняясь природной нежностью. Разглядываем взлохмаченные облака на ясно-голубом небе. Застыли в причудливости контуров, вытянув за собой сизые хвосты. Складываем взглядами пазл из облаков, гадая, какой в итоге получится рисунок. В одном уверены – в нем будут все оттенки счастья...

Весеннее счастье иное на вкус. Меньше крема мимолетности, больше густых сливок вечности. И в пышном бисквите чувств много солнца. «Как тебе удалось разыскать в Стамбуле рододендроновые кустарники? Вроде здешнее лето для них слишком суровое...» Достāju из рюкзака холодный айсти. Протягиваю ей запотевшую бутылку. Сам наслаждаюсь «Эфесом». Пивная лавина заполняет пустой желудок. Скоро пойдем обедать в рыбный ресторанчик. «Неважно. Главное, мы здесь. Счастливы здесь и сейчас... Если бы вокруг не было людей, поверь, мы не облака считали бы, а занялись кое-чем более приятным...» Поперхнулась от накатившего смеха. Капли айсти стекают по подбородку. Подвигаюсь ближе. Слизываю холодные разводы с теплой ко-

жи. Целую в ямочки бледно-розовых щек. На ней нет косметики. Естественность невероятно привлекает. «Эй, вулкан темперамента, не забывайся, мы не дома...» Привсталла, взяла влажную салфетку. Вытирает лицо. Затем мое тоже. «Восток, без сомнений, меняет меня... Раньше думала, что способна на секс не больше одного раза в день... С тобой я другая». – «Более страстная?» Снова ложится, вглядывается в небо. «Нет, более настоящая... Неудержимая в любви».

Срываю с куста соцветие, кладу на ее грудь. Награждает чувственным поцелуем, который турки называют *dudaktan kalbe*¹³. «...Знаешь, как у большинства женщин? До какого-то времени ждем мужчину, образ которого создаем в грезах. Затем, не дождавшись, начинаем лепить половинку из того, что имеем. А потом влюбляемся в то, что слепили. Связываем чувства в тугие узелки во имя личного счастья. Однако часто мнимая ложь так и остается ложью. А иногда, если повезет, оборачивается красивой правдой... Я никогда не пыталась слепить что-то. Доверялась судьбе. Ждала настоящего счастья. И наконец получила его. Получила, а теперь боюсь... потерять...» Легонько притягиваю Мирумир к себе. «А ты держись за меня крепче и не бойся... Договорились?» Перебирает пальцами мои волосы. «Договорились». Цветы с кустов продолжают осыпаться под ленивым ветерком. Зажмуриваем глаза, прислушиваясь к биению наших сердец...

---

¹³ От губ к сердцу (*турец.*).

... В спешке отпираем дверь, с нетерпением ожидая щелчка, означающего свободу. Вваливаемся в прихожую, слившись в поцелуе. Ненасытные, горячие, бесшабашные. Мои руки проникают под ее блузку, обхватываю ладонями груди. Горячее дыхание Мирумид распахивает, пробуждая настоящую восточную страсть. Стаскиваю с любимой одежду, наваливаюсь, прижимая ее к стене. Опускаюсь на колени. Теплая ладонь прокладывает путь от ее изогнутой шеи к мягкому животу. Запрокидывает голову, распуская волосы: русые волны рассыпаются по плечам. Ее тело перестает биться взволнованной дрожью и расцветает в моих объятиях. Спешим слиться в единое. Будто время ускользает из наших рук, и мы торопимся посадить в почве неминуемой грусти цветы наших поцелуев. Сдерживаюсь. Сжимаю тугую пружину. Попытка запечатлеть в сознании то, что уходит, чтобы снова вернуться. Обхватывает ногами, сплетает руки на моем затылке. Заглядывает в глаза, в самую глубь: «Не отпускай меня... никогда, слышишь, никогда...» Отвечаю поцелуем...

...Рассматривает меня, обнаженного, пока я ищу заброшенные куда-то джинсы. Чувствую, как взгляд скользит по моим плечам, спине, останавливаясь на самой мягкой части тела. «Слушай, а у тебя потрясающая родинка на попе... От

кого досталась? Я где-то вычитала, что родинка на правой ягодице мужчины говорит о его влюбчивости». Вместо брюк нахожу боксеры, непонятным образом оказавшиеся на самом верху двери в ванную. «Не знаю, от кого получил такое наследство. Но одно знаю точно, я совсем не влюбчивый. Если полюбил кого, то сильно и надолго...» Она, ухмыльнувшись, кидает в меня сливой. Успеваю поймать. Отправляю в рот. «Так я и поверила. Не влюбчивые Рыбы – это нонсенс, ашкым¹⁴...» Меняю тему. «Может, подкрепимся? Сегодня завтрак беру на себя». – «О'кей... А я займусь кофе». Спрыгивает с кровати, набрасывает на себя халат грейпфрутового цвета. Убегает на кухню, предварительно ущипнув меня за зад. Страсть укрепляет иммунитет любви. Точно сказано...

---

¹⁴ Любимый (*турец.*).

...Любовь тети Фериде окрашена в цвет печали. Именно печали, а не грусти. Разграничивает четко: «От грусти до отчаяния – один шаг. А я никогда не впадала в отчаяние. Теряла любимых людей, убегала от прошлого, оказывалась на дне жизни, но... Всегда вставала, шла вперед. Нет, не назло врагам. Слишком много чести для них. Я просто понимала, что если сама не подниму себя, то меня никто не поднимет. Как видишь, до сих пор стою на своих двух. Хоть и ревматизм грозит списать меня на свалку...»

У нее астма, а она до сих пор курит. У нее повышенный холестерин, а она продолжает готовить на сливочном масле. У нее разбитое сердце, а она все еще верит в любовь. «На мне сотни грехов, а я никак не сдружусь с Аллахом. Ну что могу поделаться, если умудряюсь проспять три ежедневные молитвы из пяти?» Живет в маленькой «двушке» на окраине азиатского Стамбула. Стены квартиры выкрасила в ультрамариновый цвет, повсюду развесила афиши старых турецких фильмов в фиолетовых рамках. Поклонница ретро-кино, *tiirk sanat miizigi*¹⁵, проникновенных песен Зеки Мурен¹⁶. Курит много и с удовольствием: «Жизнь слиш-

---

¹⁵ Турецкая народная музыка (*турец.*).

¹⁶ Знаменитый певец Турции.

ком коротка, чтобы отказывать себе в невинных шалостях. По-моему, умереть от чужой сигареты, не выкурив за свою жизнь ни одной, – верх идиотизма... Да и не такая я молоденькая, чтобы отказываться от вредных привычек. В моем возрасте привычки давно стали чертами характера».

У тейзе¹⁷ невероятно чувствительные руки, смелые глаза, выдающийся нос. Всевышний не наградил ее сказочной красотой, зато наделил такой щедрой порцией обаяния, что она искупила все скульптурные огрехи. Седые волосы Фериде не красит восьмой год: держит траур по покойному мужу. «В далекой молодости все, кто меня любил, не нравились мне, а кого я любила – не любили меня. Но Кадир все изменил. Полюбили друг друга в одно мгновение и хранили нашу любовь все сорок лет совместной жизни...» Тетя Фериде всегда поддерживала меня. Даже тогда, когда все отворачивались. «Gđzumun igi¹⁸, я доверяла и доверяю твоему сердцу. Ты на правильном пути... Борись за любовь». Она изъявила желание познакомиться с Мирумир. Пригласила нас на ужин. «Постараюсь удивить русскую гостью... Назавтра закажу у мясника Ильхана свежую телячью печенку – приготовлю по старинному османскому рецепту...»

Встретив Мирумир, расцеловывает ее по-турецки в обе щеки, называет «kizim»¹⁹, предлагает «посплетничать за си-

---

¹⁷ Тетя (*турец.*).

¹⁸ Свет моих очей (*турец.*).

¹⁹ Дочь (*турец.*).

гареткой, пока племянник нальет нам по бокалу вишневого вина». За двумя моими любимыми женщинами на балкон убегает красotka Багира. Пушистая дворняга с короткими лапками, которую тетя подобрала на улице. Именно ею и своим детским хором сегодня живет Фериде. «Багира сразу полезла целоваться к твоей девушке. Поверь мне, малыш, лучшего детектора на хорошего человека еще не придумано... Она милая, душевная и настоящая. Но у нее так много грусти в глазах...» Наевшись печенки в сумаковом соусе²⁰, Мирумид отказывается от десерта. И тем самым допускает ошибку! От яств тетушки строго-настрого запрещено отказываться. «Такую отменную баклаву испекла. Никаких „не могу“! Это тебе не та гадость, что турки впаривают туристам. В моей баклаве есть душа... Тебе кофе с сахаром?» Тетушка берется погадать Мирумид: «...много слез выплакала. Вот, смотри, гуша прямо съежилась... Большую трагедию пережила. Женскую... Что-то новое начинается в твоей жизни... Но будет новое испытание... Если выступишь, получишь счастье».

Выслушав тетушку, Мирумид ничего не говорит. Встает из-за стола со словами: «Извините, я выйду покурить». Фериде понимающе кивает головой. Останавливает меня в попытке пойти за ней. «Дай время... Оно вылечит. Медленно. Сначала грусть заживет, превратится в печаль. Вместе с печалью появится и вера. С помощью Аллаха...» Сажусь на

---

²⁰ Сумах – красновато-бордовая приправа с кислым вкусом.

место. Допиваю кофе. Я не верю в предсказания. Я верю в силу любви...

...Ее пугают пустые остановки, взгляды луны, дороги без машин. «Вечный страх выпасть из ритма. Думаю, у всех нас, детей Москвы, есть такая боязнь. Изнуряющая мысль о том, что пропускаешь что-то важное. Чисто на интуитивном уровне...» Никогда не сбегала от мегаполисов. Если прячется, то тоже в них. В каком-нибудь потайном уголке, где висит бабушкино пальто с песцовым воротником и пахнет минувшей осенью. Там исчезают страхи. Чаще всего взрослые прячутся в детстве. От себя, от обстоятельств, правд и неправд. Ныряют в светлую пору, когда умели прощать себя, верили в жар-птиц, доставали звезды с неба, засыпали и просыпались с надеждой. «Помнишь фразу из „Часов“? „Я выбираю не удушливую анестезию провинции, а жесткий ритм большого города“. Мой выбор аналогичен. Боюсь в глуши услышать крики прошлого. Не прячу голову в песок. Наверное... Навер... Не знаю... Наверное, просто пытаюсь выжить».

Вкладывает бумаги с отчаянием в белый конверт настоящего. На нем пишет: «Не вникать». «Любимая фраза бабушки. До сих пор в ушах ее категоричная интонация... Я была в детстве жутко сентиментальной. Могла разрыдаться даже от таяния снега. Мне казалось, превращаясь в воду, он плачет. Помню, бабуля обнимала меня, зареванную, со словами:

„Солнышко, не вникай“. И когда я выросла, она продолжала говорить мне это. Бабушка не была бездушной. Учила выживать... Сейчас, если отчаяние пытается затянуть меня, я повторяю: „Не вникай“. Как молитву. Отпускает...»

Вспоминая о детстве, всегда плачет. «В России есть такой мультфильм „Умка“. Про белого медвежонка... Каждый раз смотрю его и плачу... Там такая красивая колыбельная звучит... И всю ночь соседи... звездные медведи... светят дальним кораблям...» Наливаю себе мандариновый чай, придвигаю табурет. Сажусь ближе к Мирумир. «Правильно говорят, в каждом взрослом живет ребенок...» – «Так и есть. Я до сих пор та самая худышка с длиннющими косичками, которые таскала всех дворняжек домой... Детство – это то, что мы потеряли во времени, но сохранили в себе»...

* * *

...По мере взросления коллекция наших масок пополняется. К зрелому возрасту можно с легкостью открывать экспозицию «Лица одного лица». Мирумир любит детство за то, что на его сцене нет необходимости играть. В детстве обижаемся, кричим, отворачиваемся, восторгаемся. Все что угодно, кроме игры. Естественность с ограниченным сроком пользования. «Надевать маску – это не значит проявлять неискренность. Маски стали требованием времени...»

Запивает миндальные маффины клубничным латте, мысленно листая альбом детства. Обложились диванными подушками, скрестив ноги по-турецки. «Знаешь, что важно взять из детства во взрослую жизнь? Мечту. И постараться, чтобы у этой мечты не выцвели глаза...» Спрашиваю у нее, может ли любовь быть мечтой? «Наверное, нет. Любовь стучится в дверь каждого рано или поздно. По-моему, важнее отвоевать любовь у гордости и сохранить ее...»

В розовых переулках юности Мирумир уважала любовь, но считала это чувство преходящим. *«У нашего поколения девочек любовь удостаивалась эпизодической роли. Она рождалась либо на шелковом дне кошельков, либо в парках провинциальных районов. Нет, мы не были циничными сучками, которые ставили сумочку „Dior“ превыше чувств. На карту Москвы мы ставили другие ценности. Считали, что добежать до любви еще успеем. Тогда для нас актуальнее была „успешность“. И знаешь, что самое смешное? Под этим словом не подразумевались карьерный рост и светский статус. Нечто другое. Некое совершенство, что ли... Да и не важно уже. Все равно каждая из нас поняла, что успешность – это и есть личное счастье».*

Добавляет громкость у телевизора. Вслушивается в прогноз погоды. Завтра обещают солнце. «...Каждый раз слу-

шаю метеопрогноз, и в голове вертится один вопрос: „Может, день счастья – завтра?“ Выхватываю из ее рук пульт, нажимаю кнопку „mute“. „Минутку... Разве ты не счастлива?“ Застегивает куртку пижамы на все пуговицы. „Счастлива... Но то счастье, которого я жду, безоблачное... Я хочу, чтобы у нашего счастья все завтра, послезавтра были счастливыми. Я хочу, чтобы у нашего счастья не было метеозависимости. Чтобы все было в наших руках, а не в руках чертовых обстоятельств...“ Крепко обнимаю ее. „Я тебя не отпущу в Москву“. Закрывает глаза. „Не отпускай... ради бога...“

...Обжаривает зеленые помидоры в семенах кардамона, нанизывая на нить повествования истории из своей жизни. Мирумид говорит, что не время изменило ее, а она изменила себя. Переключила скорость, включив сердце. Затягивается сигаретой. Не успевает дотянуться до пепельницы, и столбик пепла срывается в сковороду. «Скучаю по Москве. Не знаю, конкретно по кому, по чему. Родина? Родные? Нет... Там берут начало корни моего отчаяния. Вот такая сердцевина у тоски». Сетует на дурную привычку: постоянно сравнивает прошлое с настоящим. Взвешивает количество минусов и плюсов. Непроизвольно. Будто хочет оправдать нынешние поступки. Раньше такой не была. Раньше было чувство неоправданной безнадежности. Раньше не было чувства вины, как сейчас. Перед кем виновата? Перед собой. Слишком много времени ушло на иллюзии.

«...Наше поколение девочек встречало, провожало дни с отключенным сердцем. Мы не боялись чувствовать. Мы боялись, что оно будет покалечено временем. Временем, когда сложно было стать лучшим среди равных. Мы были рождены летать, но доступ к небу был закрыт. И не важно было, принадлежишь ли ты к категории high class, носишь ли обувь от Prada и отдыхаешь ли в Сен-Тропе. Все равно. Тогда

мы покоряли земное пространство, получая возможность лишь прикасаться к небу, да и то в железных оболочках самолетов. Странное было время. Тогда Москве было не лень производить впечатление. Это сейчас Москва пресытилась шиком. Гламур наконец-таки становится образом жизни, а не бабским оружием для сведения счетов...»

Посыпает жареные помидоры мелко нарезанной петрушкой, сбрызнутой лимонным соком. Убавляет газ, закрывает сковороду крышкой. Блюдо должно полчасика потомиться. Пора заняться гарниром – рисом. За ночь до готовки замачиваем его в подсоленной воде. Протягиваю ей дуршлаг. «Ты говоришь о своем поколении... Почему в нем так много марок, роскоши? Неужели туфли от какой-то „Прады“ так много значили?»

Засыпает рис в кипящую воду. Морщится над горячим паром. «Знаешь, забавно получается. Рассуждения о гламуре у плиты... Нет, ашкым, это не моя пафосность. Для тогдашней Москвы, особенно для ее next-поколения, бренды имели безумную актуальность. Как раз заканчивалась пора „новых русских“, забывалась инфляция, начинался расцвет хоть и слишком вычурной, но буржуазности. Москве хотелось своей „Студии 54“. И мы тогда, помню, жадно листали зарубежные „Воги“ и „Базары“, учились правильно произносить имена знаменитых марок. И мы тогда, поверь, не задумывались, подходит это нам и нужно ли это нам. Мы жили в Москве,

Москвою, не подпуская жизнь близко к сердцу. По-другому, наверняка, можно было жить, но мы не могли или, скорее, не хотели. Амбиции юности, лишённые права на ожидание...»

Я задумываюсь, выкуриваю третью сигарету. Закрываю форточку. Вылавливаю вопрос из потока мыслей. «Разве не бывает чего-то вечного?» – «Наверное... Наверное, нет, ашкым...» – «То есть?..» – «Мы сами вечные. Каждый по-своему...» – «Соглашусь... хотя...» – «...хотя вот любовь не подчиняется времени. Она ведь в нас, внутри, а значит, может остаться с нами в вечности». Собирает пенку с кипящего риса. Шумит вытяжка. Скоро ужин...

... С радостью встречает ночи. Распахивает окна гостиной, впускает в дом шаловливый ветерок, затевающий игру с лиловыми гардинами. Сумасшедший гомон мегаполиса стих. Звучит колыбельная Золотого Рога. С приближением ночи заваривает последний кофе уходящего дня. С корицей. Я назвал его «кофе с ароматом женщины». Вчера на Египетском базаре купили полкило палочек корицы. Всё сегодняшнее утро Мирумир усердно молола их, пересыпая ароматный порошок в матерчатый мешочек. В этом мешочке поселилась моя надежда. Корицы должно хватить еще на много вечеров. Значит, Мирумир связывает будущее с нашим настоящим. Не уйдет...

Разливает кофе по керамическим чашкам с рисунком цветов кофейного дерева. Изящные бело-кремовые грозди, с желтыми на кончиках усиками. Именно из этих красавиц рождаются вожаки – завоевательницы человеческих сердец... Добавляет в кофе побольше корицы. Снимает утомление, пробуждает страсть. «Моя прабабушка, этническая полячка, готовила такой кофе. Его аромат, разливающийся каждый вечер по дому, вспышка из детства... И сейчас вижу ее у плиты. Она собирала седые волосы костяным гребнем, отливала алые петушки леденцов, приучала читать

по одному рассказу Чехова перед сном... У меня опять приступ ностальгии... Лучше кофе пей, остывает».

Садится рядом. Кладет между нами корзиночку с гранатовым лукумом. В комнате тишина. Телевизор отключен, соседи сверху уgomонились, на улице простыли звуки. Только колыбельная Золотого Рога, дыхание Босфора и шепот звезд над ним... «Не правда ли, она потрясающая...» Откусываю лукум. Сладость жжет горло. «Кто именно?..» Отпивает кофе. «Ну, ночь... В ней столько шарма, силы...» – «По мне, так день лучше...». Смеется. «Ну не зря назвался Светусветом... Как думаешь, за что люблю ночь?» – «...?» – «Ночь связывает нас с утром. А утро – новый день, новый вдох, новые надежды...» Допиваю кофе, ставлю чашку на стол. «Ой, любимый, у тебя кофейные усы появились...» Мирумидр тянется ко мне, захватывает поцелуем кофейные штрихи в уголках моих губ. Ночь нежна...

* * *

...Спрятаться от себя невозможно. Бежать куда-либо бессмысленно. Все равно боль вернёт обратно. Вернет туда, где начинаются следы безнадежности. Время примиряет с собой. Встает перед тобой зеркалом, заживляя в отражении шрамы сердца. Смотришь на себя и, сквозь паутину отчаяния, понимаешь, что хочешь идти дальше. Жить, верить,

снова ждать. Улыбаться кудрявым облакам, объедаться вишневым мороженым, чувствовать щекотку пузырьков в носу от выпитой газировки, целовать мерцающие под луной губы. Ни одна боль не способна отвернуть человека от жизни. К любой запертой двери найдутся ключи, которыми ее можно отпереть... Не раз убегала из Москвы. Ее не преследовали, не изгоняли. Она сама уносилась в неизвестность, смывая слезами обратный путь. Возвращалась. Спустя время. Дороги назад уже были заново отстроены поутихшими эмоциями.

«Все-таки родина – хитрюга редкостная. Удерживает мыслью, что „здесь – ты свой“. Самообман. Родина – это место, где хочется остановить время, а не ускорить его... В Москве хотела ускорить ход стрелок часов. Спешила узнать, к чему я приду в итоге. Всячески успокаивала себя. „Мирумир, потерпи! Очередная черная полоса...“ Знаешь, что поняла? Жалуются на черную полосу те, кому не хватает смелости перекрасить ее в белую... Три года маялась, не могла взять кисть в руки. И вот наконец-то получилось перекрасить нутро. Ты – светлый оттенок моей жизни...»

Жесткость Москвы терзала мягкое сердце Мирумир. Она принимала ритм мегаполиса, отторгала его жестокий фон. «Кто-то скажет, что жесткость и жестокость не могут существовать раздельно в контексте big city. Я не согласна. Почему в коктейле „Мегаполис“ больше горькой водки сложно-

стей, а не приятного ликера душевности?! Пусть будет хотя бы поровну...» Часто видит во сне не верящий слезам город. Видит Поклонку, Москву-реку, Воробьевы горы. Видит картинки из беззаботного детства, окрыляющей юности. Но все сны о Москве почему-то черно-белые. «Я не скучаю. Я просто еще не разобралась с прошлым...»

...Жизнь для Мирумир – одно сплошное ожидание. Гложущее ожидание одного-единственного поезда с длинной чередой вагонов. Маршрут один, меняются остановки. Всего три станции: «Прошлое», «Настоящее» и «Будущее». В руках билет на неопределенный срок, в мыслях – сумбур сомнений, в сердце – бутоны надежды. Чаше они расцветают, а порой – увядают. Как повезет. Человеческие судьбы подвластны Случаю. Кто-то сказал, что Случай – это псевдоним Бога, когда он не желает подписываться своим именем...

Она вечно чего-то ждет. Не от людей. От Судьбы. «Бабушка в детстве называла меня Ожидалкиной. Сколько себя помню, всегда с тоскою смотрела на окружающий мир. Будто что-то должна получить от него. Бабуля рассказывала, что во время прогулок в парке, если кого-то звали при мне, я первой оборачивалась, хоть и звучало не мое имя. Я наблюдала за детьми, которые играли со своими отцами. Так хотелось подойти к ним, попросить: „Можно мне с вами?“ Однажды сказала об этом бабушке, она жутко возмутилась: "Ну-ка, не дури! Мать у тебя уважаемый человек в районе. Опозоришь ее..." Приходилось порывы прятать в себе. Но если кто-то из мальчишек в парке пропускал мяч, я быстрее бежала за ним. Хватала, приносила отцам этих детей. Те щипали меня

за щечку, благодарили: „Спасибо, умница“. Была Ожидалкиной и этого было достаточно...»

Мирумир возвращается в собственное детство. Теревит пальцами прядь волос, прячет глаза. *«Таких историй, как моя, миллионы по России. У нас в классе пятнадцать из двадцати ребят росли без отцов. Тогда это даже объединяло. Создавалось некое движение, must have того времени. Если у тебя нет отца, значит, ты один из нас. Глупцами были. Прикидывались пофигистами, хотя внутри мы все были Ожидалкиными... Брошенные дети всегда ждут ушедших отцов».*

Наливает себе чай, добавляет три кусочка сахара. Перемешивает. «...Знаешь, какое слово я никогда не произносила? Папа. Некому было сказать. Вот сегодня произнесла впервые, и то не по адресу. В присутствии мамы, бабушки, друзей говорила исключительно „отец“. Свысока, с показным цинизмом, мол, ни в ком не нуждаюсь. А сама ждала. Перебиралась с одной станции на другую. Ни на „Прошлой“, ни на „Настоящей“ папы не было. Веришь, Светусвет, я все еще жду папу на „Будущей“...» Задумываюсь над словами Мирумир, понимаю, что мне нечего добавить. Я не знаю, что такое жить без отца. Я никогда не был Ожидалкиным...

Передвигает пальцем крошки от тостов на кухонном сто-

ле. Задумывается. «...Девочкам, растущим без отца, сложнее, чем мальчикам. Хотя и говорят, что мужчине важнее мужское воспитание. Девочки в ситуации безотцовщины лишены героя. Отсутствует образ, который стал бы ориентиром во взрослой жизни. Поэтому в личную жизнь мы приходим слепыми котятами. Способны верить, но не способны доверять. Бросаемся из крайности в крайность, с шеи на шею. Набиваем шишки в поисках замены тому, чего лишены с рождения... Мама была известным адвокатом. Хорошо зарабатывала, ни в чем не отказывала единственной дочери. Купила мне Барби. Я любила куклу и завидовала ей. У нее-то наверняка был папа...»

Допивает остатки чая из кружки. «С годами сумела абстрагироваться. Переварить врожденные потери. Но все равно чувство несправедливого унижения саднит изнутри... Я не пыталась искать отца. Мать сказала, что он погиб. Не верю. Женщинам легче похоронить мужчин, которые ушли, оставив след в их жизнях». Она встает со стула, подходит к раковине. Открывает воду, чтобы вымыть кружки...

...«Счастье не за горами» – белая надпись на ее оранжевой майке. Тщательно счищает кожуру с красного яблока, прикусив кончик языка. Признается, что часто злится на жизнь, но никогда от нее не отказывается. Даже оказавшись на дне колодца отчаяния, ищет во тьме луч света. Люди, называющие себя слабыми, в сущности самые сильные. «Я по жизни такая. Смех сквозь слезы... Невозможно быть постоянно счастливой – но зато одной мимолетной вспышки счастья может хватить надолго. Люди собственно и живут в ожидании подобных вспышек... А боль? Соль слез лечит».

Разрезает яблоко, вычищает сердцевину. Одну половину отдает мне, другую оставляет себе. Я не хочу отделяться от любимой даже в таких мелочах: вынимаю из руки Мирумир часть ее яблока. Две разделенные дольки снова соединяются. «Не будем делить чувства на твои, мои... Останемся одним целым». Мирумир прокалывает светло-желтое тело фрукта зубочисткой – теперь половинки крепче закреплены. «Вечно боюсь, что любую связь разорвет кто-то из двоих. Причинить нам самую страшную боль сможет тот, кто подарил больше всего счастья...»

Закуриваю. Последняя сигарета в пачке. «Мы не станем

брать друг с друга обещаний. Давай будем вместе. Просто вместе... В любви не нужно кому-то что-либо доказывать. В любви все всегда заново, для двоих...» Опускает глаза: «Я вот думаю... Моя неуверенность здорово мешает нам... Ты делаешь шаг вперед, а я назад. Если бы ты не держал меня за руку, давно отстала бы. Не способна сделать нашу любовь сильнее...» Она отпивает молочно-клубничного коктейля с шапочкой взбитых сливок. Итальянцы утверждают, что клубника вдохновляет любовь. «Милая, не надо думать, искать, рассматривать... Просто люби. Этого достаточно». Берет мою руку. Целует в ямочку ладони. «Обещаю, Светусвет». Спутник веры – теплота прикосновений...

* * *

...«Я не люблю писать писем, в них есть какая-то обреченность. Поэтому не считай эти строки письмом. Это всего лишь не раз озвученное признание, которое мне захотелось переложить на бумагу. Чернилами настоящего. Я не одарена талантом складывать вместе красивые слова. Я всего лишь одна из влюбленных женщин, и снова хочу сказать: люблю тебя... Ты был прав, настоящая любовь невозможна без страхов. Они учат любящих дорожить друг другом, крепче завязывать узлы. Любовь не дает возможности отложить завтра на послезавтра, растягивая счастье...

Я боюсь. Боюсь потерять, упустить, пропустить. Не могу иначе. Пусть наши сегодня провожают нас в завтра... Если когда-нибудь мы потеряемся в переулках времени, найди это листок. Перечитай. Он станет твоим указателем. Найди меня, если даже попрошу не искать. Отыщи, взгляни в глаза, не слушая слов. Слова зачастую не от сердца – от ума. Доверяй только глазам, отражающим душу...

Помнишь наши первые свидания? Тогда эти отношения казались нам безнадежными. На тот момент они были возможны только в настоящем времени. Сейчас верим в будущее. Нам остается набраться сил, чтобы шагнуть на его территорию... Перечитываю написанное. Правильно говорят: любовь пробуждает в нас неизвестное. Оказывается, я могу выразить свои чувства словами. Но все это – притекающее, утекающее. Самое важное – любовь. То, что вдохновляет жить... Я люблю тебя. Ты – мой свет. Маяк, ведущий к счастью. До будущего осталось совсем чуть-чуть – рукой подать. Так что держи меня крепче, держи мой мир в своей ладони, не отпускай... Даю слово, я буду верить, а значит, и идти навстречу свету... И сейчас, дописав, я пойду к тебе. Точнее, вернусь к тебе... Люблю.

М.»

...Родилась с бунтом внутри. Акушерка шлепала ее по спинке, дожидаясь первого крика. Крошка стойчески отмалчивалась, подпрыгивала маленькими ручонками. Врачи за-нервничали. Новорожденная Мирумир не завопила, пока одна из медсестер не обратилась к ней: «Ну же, малышка, не подводи!» – «Я отказывалась делать то, что делают другие, когда положено. На день позже, на час или минуту раньше – лишь бы не как все...» Не была пай-девочкой. Родня с ней намучалась – приходилось подолгу объяснять, уговаривать. Не убедившись в необходимости поступка, она его не совершала. «Мама со мной настрадалась и в итоге отошла в сторону. Времени на воспитание у нее не было – она же деньги зарабатывала. Все взяла на себя бабуля. Не ругала меня, не била, разговаривала как со взрослой – я понимаю только такой язык...»

С бабушкой у них было полное взаимопонимание, пока Мирумир не стала подростком. Внутренний бунт нарастал, накрывая волной разум, воспитательные установки, наставления окружающих: «Я отбилась от рук. Выиграл юношеский максимализм: мне казалось, что быть домашней девочкой как-то неправильно. Влилась в Москву того времени. Сигареты в подъезде, сильно накрашенные глаза, томик Са-

ган в рюкзаке, песни Жанны Агузаровой в наушниках, первый „выворот“ от первой выпивки, глупые отношения – ожоги... Не жалею, через это нужно было пройти. *Мы были первым поколением московских девочек, разочарования которых равнялись опыту, а «розовые очки» являлись неотъемлемой частью имиджа...* Главное, чтобы та переходная беспробудность не засосала. Надо суметь всплыть, сбросить счетчики. У меня получилось. Благодаря одному человеку...»

Подростковый бунт Мирумид разделял... дедушка, Георгий Спиридонович. Мудрец с влажными глазами цвета неба, тяжелыми руками с прижившимися со временем мозолями, грубым, но не без душевности голосом. Он жил за городом, в домике с большим садом. Вишневые, абрикосовые деревья, кусты малины под верандой, утренняя роса на траве, деревянный забор, скрипучая калитка с номером 63. «Дед не согласился переехать с бабушкой в шумный город, к дочери. Сказал: „Ты езжай, а я здесь останусь. Будете навещать меня на выходные, на каникулах“. И мы навещали. Дедушка, встречая, целовал меня в лоб – помню огуречный запах одеколона, шершавость изношенной рубашки, искреннее тепло объятий. Бабушка с мамой жаловались на меня, а он защищал. "Не мучайте внуку своим воспитанием. Она умница. Она не подведет..." Веришь ли, Светусвет, я так ни разу и не подвела его. Эти слова оставались той самой чертой, кото-

рую я не осмелилась переступить. Любила деда больше мамы, бабушки... Он воспитывал меня своим пониманием».

Смотрим «Россию» по спутнику. Выпуск новостей. Диктор читает репортаж, посвященный Дню Победы. Война ушла в прошлое, но рубцы на судьбах тех, кому удалось выжить, остались. «Каждый год 9 Мая мы ездили к дедуле. Бабушка уезжала за два дня загодя. Готовилась к празднованию – ждали гостей из Москвы. Дочерей с внуками, бывших соседей, друзей-ветеранов. Мама заказывала торт у соседки тети Лары, покупала букет гвоздик, подарок для дедушки, из-за которого тот всегда бранился: „Ну и зачем ты тратишься, дочка?! Я уже старый, мне много не нужно. Вы – есть. Чего тут еще?“ Я торжественно вручала дедуле цветы, он целовал в щечку, потом я пела *...это праздник с сединою на висках, это радость со слезами на глазах, День Победы, День Победы!* Я по-детски гордилась дедушкой, рассматривая ордена и медали на его парадном костюме».

Сейчас День Победы для Мирумид – отголосок воспоминания. Георгий Спиридонович умер четыре года назад. Внезапная остановка сердца. Спустя неделю умер с тоски и его пес Банзай. Навсегда заснул в кресле покойного хозяина, так во сне и убежал в лучший мир, где теперь живет Георгий Спиридонович. «Долгое время еще утром в девятый день мая я бежала к телефонному аппарату. Позвонить тете Ларе, спросить, готов ли торт... Но выходила из спальни и понима-

ла, что звонить некому. Ни дедушки, ни тети Лары в живых нет. Осталась только мама и бабушка. Ни одна из них так и не вернулась в дом, где умер их герой. Точнее, наш герой...»

Переключает канал, прерывая рассказ. Выходит на балкон, прихватив пачку «Кента». Выкурить тоску воспоминаний...

...Она носит обувь исключительно на каблуке, красит волосы в цвет солнца, кошек награждает человеческими именами и спит на подушке из сушеной айвовой кожуры. Ругает политику «Миши Саакашвили», поддерживая республиканцев Грузии. К тому же «если бы президентами становились женщины, а не заносчивые мужики, то в мире было бы спокойнее». Восхищается Катрин Денев, слушает пластинки Нины Брегвадзе, а перед сном читает рассказы Нодара Думбадзе, который «возвращает в детство».

Скучает по своему кирпичному домику на окраине Рустави²¹, где по вечерам собирались с соседками за большим столом, обсуждали мужчин, политику, кулинарию. «Мне повезло, что я выросла в Рустави: там получила настоящее грузинское воспитание, которого, кстати, лишены многие тбилисцы. Столица Грузии, несмотря на пресловутую закрытость, вечно подвергалась чужим влияниям – особенно в советское время». На четвертом десятке она перебралась в Стамбул: «Отари, мужа моего покойного, пригласили работать в местном посольстве Грузии. Переехали сюда с детьми, но я долго не могла привыкнуть. А вот сейчас считаю Стамбул второй родиной. Да и турчанки чем-то схожи с грузинками. Чисто

---

²¹ Город на юго-востоке Грузии, в 25 километрах от Тбилиси.

внешне. Хотя темперамент в корне другой...»

Живет в гордом одиночестве. Сыновья выросли. Оба женились на турчанках, переехали жить в Германию. Звали, зовут к себе – отказывается уезжать. «Мне одной комфортнее. Не в том уже я возрасте, чтобы с кем-то уживаться... Сказала мальчикам, чтобы похоронили меня в Рустави. Умереть хочу здесь, а упокоиться в родной земле. Рядом с Отари. Но я отходить в мир иной не тороплюсь. Бог меня любит. Пообещал, что проживу еще десяток лет. У нас с ним приятельский договор... К тому же, скажу по секрету, Бог неравнодушен к блондинкам». Громко хохочет, промокивает выступившие слезы желтой салфеткой, другой рукой теревит мордочку ленивого кота Франсуа. Типичный грузинский юмор – колкий, но добродушный...

...Ирма, 66 лет. Моя соседка по лестничной площадке. Живет в однокомнатной квартире с двумя упитанными кошками. Живет воспоминаниями, а не настоящим. «Я прошлого не боюсь. Подружилась с ним еще в первые дни климакса. Поздновато, конечно, – но таким эмоциональным людям, как я, вообще сложно настроиться на волну времени. Сейчас Прошлое почти ежедневно заходит ко мне в гости: перекидываемся картами, пьем мое любимое вино из Алазанской долины, листаем книгу воспоминаний... Я горжусь и поражениями, и – потом – победами». Ирму нельзя назвать красивой. Нос орлиным клювом, тонкие губы, большой лоб. За-

то какой у нее взгляд! В нем столько любви, что ее с лихвой хватило бы всем жителям земли... «Мама ругала меня за наивность. Говорила, что человек должен быть немного эгоистичным, капельку циничным, в меру доверчивым. А в моем характере, кроме доверчивости, ничего и не было. Верила абсолютно всем. Даже одноклассникам, которые рассказывали мне, 14-летней дылде, страшилки про руку из черного пианино. Помню, наслушавшись подобной чуши, ночами спать не могла... Я родилась на рассвете. Если верить египтянам, дети солнца больше отдают, чем берут. Так и есть. Жила, живу болью чужих сердец».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.